

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия, архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ**

Чтобы храм по-настоящему стал нашим

Кто такие прихожане? Что значит быть прихожанином конкретного храма? Об этом беседа с игуменом Нектарием (Морозовым)

— Отец Нектарий, давайте для начала определимся: кто такой прихожанин? Что вообще в себя это понятие включает?

— Для нас привычно, что людей, которые приходят в храм, делят на две категории, которые условно именуют «прихожанами» и «захожанами» (хотя лично мне второе наименование и не нравится — категорически). К первой относят людей, которые не пропускают воскресные и праздничные богослужения, участвуют в церковных Таинствах, стараются узнавать церковную жизнь. Захожанами же называют тех, кто заходит в храм — как правило, во внебогослужбное время — поставить свечку, помолиться, написать записку, что-то приобрести. Но на самом деле существуют различия и внутри этих групп. И можно ли, допустим, назвать прихожанином человека, который посещает службы, исповедуется и причащается, но сразу после целования креста уходит, нисколько не интересуясь жизнью храма как таковой, — это вопрос достаточно сложный.

Что такое приход? Это все-таки некое сообщество людей, которые ощущают себя частями единого целого. Нельзя относиться к Церкви только как к месту, куда мы приходим за благодатью, за помощью, за каким-то участием Божиим в нашей жизни; надо понять, что храм — это место, которое должно быть центром нашей жизни, причем жизни общей. И, если мы, к примеру, посмотрим на то, как живет сегодня Православная Церковь за рубежом, то увидим, что там в каждом храме су-

ществует реально действующее приходское собрание, и именно община несёт все заботы о приходе, которые у нас зачастую целиком и полностью ложатся на плечи священника.

У нас священник, как правило, отвечает за организацию богослужения в храме, за пастырское окормление верующих, за хор, за уборщиц, за сторожей, за трапезную, за поиск денег на строительство и ремонт — за всё. А в зарубежных приходах священник отвечает только за богослужение и пастырское окормление верующих, а всем остальным, мною перечисленным, занимается приходская община. Можно, конечно, говорить о том, что мы очень по-разному живем, и прихожане в Соединенных Штатах Америки или в Европе имеют больше возможностей, чтобы нести эти заботы. Действительно, уровень жизни в нашей стране таков, что даже если собирается полноценная приходская община, она сама храм содержать не может. Но, тем не менее, очень важно, чтобы люди, молящиеся на богослужении и считающие себя прихожанами конкретного храма, понимали, что жизнь этого храма — это и их дело тоже.

Важность этого момента не только в том, что нужно священника как-то разгрузить, хотя его на самом деле необходимо хотя бы немного освободить от этого пригибающего к земле гнета хозяйственных проблем, чтобы он мог заниматься обязанностями духовного характера. Но дело и в другом: не участвуя в общих делах, человек продолжает ощущать себя внешним по отношению к Церкви. Иногда

приходится слышать: «Я помогаю Церкви». Если эти слова произносит мусульманин, иудей или язычник, это можно понять. Он по отношению к Церкви внешний человек, и он ей помогает. Но если так говорит христианин — верующий, а тем более церковный человек, то очевидно, что он чего-то не понимает, потому что Церковь — это, в том числе, и он сам. Было бы более верно сказать: «Я стараюсь в Церкви что-то делать» — нести какое-то служение. Ощущения, что Церковь — это мы все вместе, многим очень недостает. А между тем оно формируется и как-то реализуется именно в рамках конкретного прихода.

— Но ведь приходят же, наверно, люди, предлагают какую-то помощь...

— Знаете, на самом деле очень редко бывает так, чтобы человек пришел в храм и спустя какое-то время, посмотрев на его повседневную жизнь, спросил: «А что я могу для этого храма делать?». Я об этом говорю не только как настоятель, который нуждается в подобного рода помощи людей, дело не только в моих каких-то практических интересах, а просто в понимании. Могу сказать, что человек, который этот вопрос задает и который по силам потом что-то в Церкви начинает делать, приобретает совершенно другой, скажем так, уровень христианского самосознания. Потому что во всех нас самое страшное на сегодняшний день — это потребительское отношение: друг к другу, к Церкви, к Богу, и только лишь когда человек начинает в Церкви что-то делать, начинает отдавать, это потребительство из него постепенно выветривается.

Общее дело

— А что вообще может делать в храме не священник и не сотрудник храма?

— Когда приходит человек и предлагает помощь, естественно, я задаю в ответ вопрос: «А что Вы можете делать?». И выясняется, что один человек может жаворонки печь ко дню сорока севастьянских мучеников, другой может в субботу вечером оставаться подсвечники чистить, третий имеет возможность полы мыть, четвертый может прийти и на пару дней подменить библиотекаря, когда тому куда-то надо уехать, пятый работает где-то в торговле и в то же время хорошо знает книги, иконы и церковную утварь, так что может прийти в лавке постоять, и прочее. Но гораздо чаще я сталкиваюсь с тем, что подходит кто-то из числа наших прихожан и спрашивает что-

то вроде: «Когда же вы, наконец, закончите работы в основном объеме храма? Когда же у нас там начнется богослужение?».

А я, допустим, знаю, что этот человек — строитель. Не богатый, не ворочающий какими-то колоссальными объемами, но, тем не менее, занимающийся стройкой, отделкой. И я очень хорошо его понял бы, если бы он пришел и задал этот вопрос иначе: «А можем мы быть чем-то полезны?». Я бы ему сказал: «Да, знаете, у нас в цоколе еще не готовы трапезная и крестильня, и еще несколько небольших комнаток. Возьмите одно такое помещение, своими силами его сделайте, и Вы поможете нам чуть-чуть продвинуться вперед». Но мне, как правило, бывает неудобно человеку это сказать — может быть, я в этом и не прав. А самому человеку это в голову не приходит.

Но на самом деле в жизни прихода можно участвовать не только лишь материально или трудом собственных рук. К примеру, кто-то приходит в храм, у него нет средств, он не умеет ничего делать своими руками. Но у него, допустим, очень широкий круг знакомых, и он может взять в храме письмо с просьбой о помощи в строительстве и всех этих знакомых обойти. А другой может сесть за телефон и обзвонить фирмы, где можно найти стройматериалы. Кроме того, когда человек просто старается как можно больше о церковной жизни и о вере узнать и способен этим с кем-то в храме поделиться, это тоже очень важно. В таком случае настоятель знает, что того, кто в храм только что пришел в буквальном смысле с улицы, можно кому-то передать, и этот кто-то объяснит ему, как готовиться к исповеди и к Причастию, какие книги в каком порядке читать, и просто, можно так сказать, позанимается этим человеком. Безусловно, в большей степени это долг священника, но священник может уделить этому ограниченное время. К тому же практически каждый человек, пришедший в храм, знает, как недостает порой не только общения со священником, но и общения с людьми на приходе. Помимо того, бывает, что кому-то необходима элементарная помощь. Условно говоря, вот эту бабушку надо отвести домой. Или нужно просто быть в курсе, как эта бабушка себя чувствует и не нужно ли к ней домой пригласить священника, чтобы ее причастить. И опять-таки когда есть в храме люди, которым можно сказать: «Вот ты,

пожалуйста, об этой бабушке позаботься», это не занимает много времени, но уже и дело сделано, и в то же время вот она — христианская любовь и вот она — христианская забота друг о друге. Причем, в действии.

Это обычная человеческая жизнь, но в то же время это общая жизнь. И, к сожалению, всего того, что я здесь перечислил, в нашей современной церковной жизни в целом и в нашей саратовской церковной жизни в частности катастрофически недостает.

В этом плане можно привести примеры из жизни Церкви на Западной Украине. Я как-то раз был во Львовской области и наблюдал такой эпизод. Небольшой городок, туда назначают служить молодого, только-только получившего образование священника. Но у него уже семья, дети. Он приезжает, собирает прихожан и говорит им примерно следующее: «Я приехал на новое место. У меня жена, двое детей, мне нужно о них заботиться, то есть нужно где-то жить, чем-то питаться, нужна какая-то машина, чтобы на ней ездить совершать требы. Поэтому я предлагаю вам два варианта. Либо я забочусь об этом обо всем сам и вам уделяю очень мало времени, либо обо всем этом заботитесь вы, и я уделяю вам гораздо больше времени». И представьте себе, прихожане говорят: «Конечно, мы сами обо всем позаботимся».

— *А можно ли и в нашей церковной жизни воспитать, пробудить, воссоздать настоящую, то есть, крепкую, ответственную приходскую общину?*

— Я очень надеюсь, что кто-то из тех, кто будет нашу газету читать, поймет, что в нем это желание помогать храму живет, и он хочет дать ему возможность реализоваться. Это и будет каким-то маленьким вкладом в пробуждение и воссоздание. Воспитать можно — заставить нельзя. И собственно говоря, почему мне трудно об этом говорить с амвона: я не нахожу возможным кого-то к чему-то понуждать.

Где наше сокровище?

— *Семь лет строится наш храм. Можно ли сказать, что приходская община сложилась? Что бы Вам хотелось исправить, за что Вы благодарны?*

— Наверное, можно говорить о том, что приход сложился в том смысле, что есть люди, которые в храм ходят постоянно. Можно говорить о том, что многие люди друг друга знают

и между ними какие-то отношения складываются, но о приходе как об общем деле, об общей жизни, об общем труде, к сожалению, пока что сказать невозможно. Но я, например, очень рад тому, что у нас все-таки за полтора года сложился любительский хор, который начал петь литургии, молебны и панихиды.

А из того, что меня расстраивает: безусловно, сегодня почти все люди, в храм приходящие, знают о православии очень немного. И при этом есть возможность учиться — читать книги, ходить в воскресную школу для взрослых, но этой возможностью пользуются единицы. За воскресной литургией стабильно бывает порядка двухсот пятидесяти человек. В воскресную школу для взрослых по субботам приходит максимум семнадцать. И говоришь об этом с людьми, пытаешься их убедить повысить свой уровень духовной образованности, но они, видимо, искренне считают, что у них нет в этом необходимости. То же самое с книгами. У нас уже около трех месяцев работает библиотека, но книг на абонементе берут пока очень мало. Кроме того, есть церковная лавка с достаточно большим выбором книг, и отношение к ним тоже прохладное. Мало кто понимает: пока мы живем в условиях такого книжного изобилия, надо обязательно заботиться о формировании библиотеки домашней, никто ведь не гарантировал нам, что это изобилие сохранится еще на долгие годы и десятилетия. Все уже благополучно забыли, наверное, какой редкостью были духовные книги в советский период...

— *Среди верующих людей нередки жалобы на то, что на приходе того или иного храма, куда они ходят, существует некий «элитарный клуб для избранных», которые приближены каким-то образом к священнику и очень ревностно смотрят на тех, кто пытается проникнуть в их круг. Возможно, это некая болезнь роста приходской общины, но можно ли ее как-то предупредить?*

— Тут дело совершенно не в приходской общине как таковой, это вопрос взаимоотношений между священником и прихожанами. Когда есть некий священник, который становится для какого-то круга своих духовных чад, не побоюсь этого слова, кумиром, к которому стараются быть как можно ближе и этой близостью дорожат, тогда действительно возникает круг приближенных и круг тех, кто пытается приблизиться. Но это возможно только если пастырь сам так или иначе культивирует та-

кое отношение к себе.

В приходе может быть какое-то количество людей, не очень верно настроенных, но если священник их настроя не поддерживает, если он это отношение к себе разрушает, то ничего подобного не сложится. А если говорить конкретно о нашей жизни, у нас тоже есть своеобразный элитарный клуб, только совершенно другой. Это элитарный клуб людей, которые уходят из дома в храм в семь часов утра и приходят домой в двенадцать часов вечера, валясь с ног от усталости и не зная, на каком свете они находятся. Это элитарный клуб, участники которого крутятся как белка в колесе и не знают ни покоя, ни роздыху и, честно говоря, я бы с удовольствием включил в него как можно больше людей — тогда в таком экстремальном труде необходимость попросту бы отпала. Но желающих в этот клуб вступить немного.

— Некоторые прихожане, которые во славу Божию трудятся в храме, говорили, что у них какое-то особенное состояние души бывает от этого, ни с чем земным его не сравнить. Что это — утешение, благодарность?

— Когда человек делает что-то в храме, он выполняет то, что заповедовал нам Господь в Евангелии, сказав: «...собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф.6:19-24). Потому что храм не только образ Царствия Небесного, это его начало здесь на земле. И поэтому когда человек находит время и силы делать что-то в храме, ниче-

го не ожидая за это, он в прямом смысле этого слова трудится для Царствия Небесного. Поэтому и чувства, рождающиеся в этом труде, имеют неземную природу.

В нашей христианской жизни присутствует такая интересная вещь. Мы знаем: всё, что мы имеем — это дар Божий. Но когда человек прикладывает от себя какие-то усилия, он себе этот дар может усвоить. То есть, этот дар становится по отношению к человеку не чем-то внешним, а чем-то ему уже принадлежащим. К примеру, мы получаем дар благодати в церковном Таинстве. Но если наша жизнь противоположна евангельским заповедям, то этот дар остается внешним по отношению к нам, мы его не усваиваем. И мы не только утрачиваем этот дар, но он нас даже опалает, обжигает, причиняет, как нам кажется, боль. Хотя на самом деле ее причиняют нам наши же действия.

Если же наша жизнь согласна с тем, что нами получено, то этот дар возрастает, точнее, раскрывается в нас и приносит плод. То же самое можно сказать и о храме. Храм — дом Божий, и каждый храм — это, безусловно, огромный дар всем нам. Когда человек просто ходит в храм и говорит при этом: «Это наш храм», возникает вопрос: а что значит «наш»? А вот когда человек что-то в этот храм вложил, начиная с каких-нибудь кирпичиков, которые он приобрел, или положил своими руками, вот тогда он может говорить: «наш храм». Тогда это действительно так. Действительно тогда храм его сердцем и принят, и усвоен.

Духовные обязанности крестных родителей

Обычай иметь восприемников при Крещении восходит к древнейшему Апостольскому Преданию. По Требнику, необходимым считается только один восприемник — мужчина для крещаемого лица мужского пола или женщина для лица женского пола. Но по неписанной традиции могут быть и двое восприемников: мужчина и женщина.

У крестных по отношению к крестникам есть 3 основные обязанности:

1. Молитвенная. Крестный обязан молиться за своего крестника, а также по мере его возрастания научить молитве, чтобы крестник уже сам мог общаться с Богом и просить Его о

помощи во всех своих жизненных обстоятельствах.

2. Нравоучительная. На собственном примере, вы должны показать малышу человеческие добродетели — любви, доброты, милосердия, и т.д., чтобы малыш возмател настоящим добрым христианином.

3. Вероучительная. Обучать крестника основам христианского вероисповедания, а если вы сами не достаточно осведомлены, то сначала восполните пробелы у себя сами.

священник Михаил Зазвонов